

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ПЕКАЛЬЧУК

ДОЛИНА
СМЕРТНЫХ ТЕНЕЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ПЕКАЛЬЧУК

ДОЛИНА
СМЕРТНЫХ
ТЕНЕЙ

РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Пролог
ПУТЬ ВОЛКА

Ольга сделала предостерегающий жест: еще одна растяжка. Грамотно установлена, ничего не скажешь. Тонкая проволока, привязанная к поржавевшим перилам над самой ступенькой, уходит вдоль пола за угол лестничной площадки. Зацепишь и не заметишь, особенно если внимание приковано к следующему лестничному пролету. В этом случае громкое «ба-бах» за спиной услышать уже не получится.

— Кусачки, — шепнула негромко и протянула руку назад.

Стас молча вложил в раскрытую ладонь инструмент. Щелчок — и растяжка обезврежена. Ольга выждала десять секунд, не торопясь выглядывать из-за угла. Мало ли, растяжка и с фокусом может быть. За свои двадцать четыре года девушка и не такое видала. Или, точнее, за последние семь лет.

Ничего не произошло. Она молча махнула рукой — двигаемся — и тенью скользнула за угол. Стас и Вадик, сжимая оружие, двигались следом.

«Слишком громко шуршат подошвами ботинок», — с легкой досадой вздохнула Ольга. Столько времени убила на то, чтобы научить свою малочисленную стаю двигаться бесшумно... и все впустую. Уроки хорошо усваивал только Никита. Но, к сожалению, избирательно, он нарушил главнейшее правило, и потому вот уже два месяца Ольга, Стас и Вадик продолжают свой путь троим.

— Рысь, скоро стемнеет, — напомнил Стас, — хозяин, по идее, должен вернуться скоро.

— Ему же хуже, — коротко отрезала девушка.

Она действительно оправдывала свое прозвище. Невысокая, хрупкая на первый взгляд, Ольга могла без усталости идти пару суток, долго и упорно сидеть в засаде или выслеживать

добычу и нападать молниеносно, не оставляя противнику шанса на сопротивление. Прирожденный лидер, она вот уже полгода вела свою стаю и никого не потеряла. Никита не в счет: его сгубила самоуверенность и наглость.

Вот и дверь. Интуиция охотящегося хищника подсказала — это именно та, за которой неизвестный бродяга устроил свое логово. Да и если подумать — все очень понятно и логично. Единственная дверь, обитая нержавеющей сталью и оттого не сгнившая, как остальные. Вполне резонно остановиться как раз в этой квартире.

Дверь оказалась не заперта — да и как бы здешний обитатель мог ее закрыть, если ключ от замка был утерян полсотни лет назад — и отворилась с едва слышным скрипом. Видимо, петли смазаны. Умно. А вот заклеивать окна — это уже не совсем умно, точнее, совсем не умно.

Держа пистолет двумя руками, низко пригнувшись, Ольга проникла в прихожую, готовая в любой момент выстрелить на звук и рвануться в сторону, открывая сектор обстрела для автоматов парней. Но напрасно — хозяина дома нет.

— Вадим, к лестнице, — коротко скомандовала Рысь, и тот послушно занял позицию за углом.

Послышался звук, с которым нож режет веревку: граната из разряженной растяжки переключалась в подсумок Вадима.

Ольга осмотрелась. Чисто, уютно, относительно тепло. Хорошее жильё, настолько хорошее, что ей самой захотелось пожить тут. Конечно, когда вернется хозяин, его можно будет либо прогнать, либо попросту грохнуть, но... Именно уют делал это жилище опасным. Заклеенные пленкой оконные проемы на фоне зияющих глазниц соседних окон слишком сильно привлекают внимание, а труба самодельного камина, выглядывающая с балкона, — еще более верный указатель. Дым посреди мертвого города, во время бесконечной зимы — сильнейшей демаскирующей фактора не придумать.

— Смотри, — позвал, не скрывая радости, Стас.

Девушка одобрительно кивнула, глядя на небольшую горку из запечатанных банок тушенки. Рядом стояло еще столько же жестяных банок со сгущенкой, и Ольге стоило большого труда сохранить невозмутимое выражение лица: в душе она ликовала, словно ребенок. Что ж, как говорится, нет худа без добра: стужа ядерной зимы, поставившая человечество на грань вымирания, не только спасла остатки оногo от алчу-

щих, но и сохранила среди руин мертвых городов немало таких вот сокровищ для тех, кто был готов поставить на кон свою жизнь. Тем не менее этих почти в прямом смысле слова золотых залежей становилось все меньше, а волкарей, жаждущих пообедать смельчаками-сталкерами, — все больше, и спустя долгие десятилетия с наступления апокалиптических времен банка сгущенки стала настоящей редкостью. Только богатые могут позволить себе такую роскошь, да и то по праздникам.

Новые стволы, одежда, патроны, возможно, даже прибор ночного видения — все это можно будет выменять за драгоценные банки. Хотя... Черта с два. Богачи обойдутся. Рысь вовсе не собиралась отдавать такое лакомство. Стас и Вадим получают по паре банок и пусть сами решат, что с ними делать. Свою собственную долю она съест без помощников. Оставалось лишь молиться, чтобы внутри поблекших, тронутых ржавчиной банок сохранилась густая коричневая масса, которая так ценится гурманами. Если учесть, что банки находились в каком-нибудь подвальном хранилище, где круглый год температура в глубоком минусе, то шансы получить годную сгущенку, а не труху очень хороши.

— Грузи, — коротко скомандовала Ольга, — я гляну дальше.

В другой комнате она отыскала спальный мешок, несколько пачек галет, замерзшую воду в пластиковых бутылках, накрытый тарелкой недоеденный обед из вареной картошки с тушенкой и потертую куртку. В углу — несколько кило мороженой картошки и запас топлива у самодельного камина.

Рысь молча рассовала галеты по карманам. Все остальное особой ценности не представляет — куртка не ахти, а картошка просто не стоит внимания. Выходя из комнаты, она задела ногой полиэтиленовый пакет с окровавленными бинтами и упаковками перевязочного материала.

— Кретин, — процедила Ольга сквозь зубы.

Если тот, кого она со своей маленькой стаей ограбила, ранен, ему точно не стоило на ночь глядя высовывать нос из убежища. Печально известные своим нюхом на кровь волкари — не те противники, с которыми стоит иметь дело раненому человеку.

Конечно, сидя дома, он непременно имел бы дело с Рысью и ее командой, но при должном благоразумии остался бы в

живых. А вот с псами-переростками договориться нельзя. Сама Ольга по пути сюда видела на снегу следы этих тварей — не менее трех крупных особей сейчас ошиваются в ближайших кварталах. А возможно, уже и пируют над трупом.

— А я еще и спирт нашел, — похвастался Стас, увидев возвращающуюся Рысь, и показал запечатанную бутылку водки.

Такая же старая, как и сгущенка, водка из доапокалиптических времен ценилась очень высоко.

— Оставь бутылку тут. И две банки тушенки, — коротко распорядилась та.

— С какого это...

Ольга лишь приподняла бровь в наигранном удивлении. Парень молча отодвинул две банки в сторону и принялся паковать в рюкзаки остальное добро.

— Что там? — спросила Ольга у Вадима.

Тот покачал головой: ничего и никого.

Скорее всего, ее благородный порыв пропадет впустую: хозяина уже почти наверняка нет в живых. Иллюзий относительно шансов одиночки, даже вооруженного, против хотя бы троих волкарей Рысь давно не питала. А рана, распространяющая запах крови, — своего рода маяк, который безошибочно приведет хищников к их жертве. Ну да ладно, что сделано, то сделано. Лидер не должен часто менять свои решения.

Она подождала, пока парни навьючились потяжелевшими от богатой добычи рюкзаками, спрятала пистолет в кобуру и передвинула автомат со спины на бок. Шансы встретить хищников еще более опасных, чем сама Ольга и ее двуногие волки, достаточно велики, а маневренность будет не ахти. Хотя и волкари вряд ли нападут на троих хорошо вооруженных людей — многие из них очень хорошо знают, что автоматическое оружие — это больно.

— Двинулись, — махнула рукой девушка и стала спускаться по ступенькам.

На улице их встретил легкий снежок — большая редкость в последнее время. Если снегопад продержится хотя бы полночи, следы будут надежно замечены. Ольга подняла воротник полушубка.

— Было бы неплохо тут пожить, — вздохнул Вадим, — камин, тепло...

— Вернемся в какой-нибудь поселок — поживем в тепле, — отозвалась девушка.

— Слушай, Рысь, все-таки зачем ты оставила спирт и мясо? — спросил Стас.

— Тебе жалко, что ли? Это, видимо, сталкер, и он ранен. Без еды бедолага просто загнется. Если выживет — может, еще раз найдет такой хабар.

— А водка?

— Чем кончился прошлый раз, когда мы достали водку, помнишь? — ответила Ольга вопросом на вопрос, и Стас заткнулся.

Конечно, все они хорошо помнили чем. Перерезанным горлом Никиты. Самоуверенность, подстегнутая выпитой тайком водкой, заставила парня нарушить самое главное табу стаи — волчица сама выбирает своего волка. С тех пор и Стас, и Вадим окончательно поняли, что их удел — состязаться за благосклонность Ольги и тайком раздевать ее глазами. За какую-либо иную вольность их будет ожидать участь Никиты. В том, что рука Рыси не дрогнет, перерезая горло любому из них, парни больше не сомневались.

Чего не знал ни один, ни другой — что все их усилия, иногда переходящие в откровенный выпендрез с риском для шкуры, обречены пропасть втуне. Весьма посредственные как бойцы, с более чем скромными умственными способностями, Вадим и Стас без Ольги ничего из себя не представляли. И в качестве равноправного партнера и спутника никто из них Рысь не устраивал.

Девушка, впрочем, уже успела привыкнуть к своим ведомым и с сожалением думала, что рано или поздно с ними придется расстаться. Пусть и недалекие, но преданные, эти два парня — единственные люди на всем белом свете, к которым Ольга рискнула бы повернуться спиной.

Где-то вдалеке раздался раскатистый лай волкаря.

«Надеюсь, тебе повезет, если ты еще жив», — мысленно обратилась Рысь к неизвестному сталкеру и выбросила его из головы: сейчас куда важнее подумать о том, как довести свою группу до собственного убежища.

Глава 1

РЕЙД

— Стикс, левее, не кучкуемся.

— Понял.

Макс краем глаза отметил, как боец обогнул сугроб с другой стороны и занял свое место в строю.

— Градусов десять, — выдохнул облако пара замыкающий Ворон.

— Угу. Терпимо, будет хуже, когда совсем стемнеет.

Макс еще раз оглянулся, хотя и так знал, где находятся все члены его маленькой команды. Ворон, Стикс и Серый оказались именно там, где он и ожидал их увидеть.

Они молча вспахивали ногами неглубокий, по щиколотку, снег с жесткой коркой. Светлое пятно солнца, скрытого свинцовыми тучами, медленно опускалось за горизонт. У Макса под ногой жалобно скрипнул металл: должно быть, он наступил на крышу оставленного тут автомобиля. Девяносто лет мороза и снегопадов — и ни единой оттепели. Ничего удивительного, что сейчас он шагает в добрых полутора метрах над землей, по слежавшемуся до плотности асфальта снегу. Когда-то его предки ходили по глубокому снегу на лыжах, но теперь лыжи просто не нужны. Вода оседает в виде снега навечно, не возвращаясь в атмосферу. С каждым годом снегопад — все более редкое явление, а снежный покров под ногами слеживается все сильнее. И только на самом верху этого слоя — мягкий, скрипучий, относительно недавно выпавший снег.

— Не стоило на ночь глядя соваться в рейд, — негромко сказал Стикс, — да еще с такой третьесортной солянкой.

Ворон с сарказмом хмыкнул, словно подписываясь под нелестной характеристикой, которую товарищ дал осталь-

ным участникам операции. Макс равнодушно пожал плечами в ответ:

— А что тебя удивляет? Можно подумать, нас в первый раз нанимают для бездарного, наспех организованного дела. Тут хотя бы своих послали три десятка — значит, не заведомый убой.

— Оно и хреново, — вставил молчавший от самого поселения Серый. — Были бы только профи — было бы куда лучше. От этих подземных крыс наверху толку мало. Глядите, как в кучу сбились, недоумки. Одна граната из подствольника — полтора десятка трупов будет.

— Меньше, — не согласился Макс.

— Убитых штук пять. Остальные будут ранены и все равно сохнут. Никто не потащит их на своем горбу ночью пятнадцать километров. Даже свои.

— Не «даже свои», а «тем более свои», — с презрением в голосе поправил Стикс. — Мне кажется, что в этот рейд отправили самых никчемных... кого не жалко.

Лидер группы бросил взгляд направо, на группу Вепря. Хорошо идут, бодро и в правильном порядке. При случае надо будет держаться ближе к ним. На местных бойцов, жителей нанявшего их поселка, рассчитывать и правда нечего. Тридцать тел, а реальный боевой опыт в чистом поле, вдалеке от родных укреплений, хорошо если у десяти есть. В конце концов, желание вернуть похищенное добро Макс понимал, равно как и нежелание посылать в рейд самых лучших, боеспособных мужчин, оставляя поселок незащищенным. Оттого и были наняты он со своей командой, бригады Вепря и Сатаны. Но посылать самых необстрелянных бойцов было со стороны председателя все равно неразумно... или, наоборот, очень умно, если Стикс прав. Ладно, черт с ним, с председателем.

Ему, Макс, как и его товарищам, не впервой лезть неизвестно куда, неизвестно зачем. Он знал, что торговый караван, который вез что-то очень ценное, был разграблен у города, лежащего в руинах недалеко от старого танкового завода. Сам завод, впечатляющее и некогда секретное подземное сооружение, находился в очень удобном месте на пересечении нескольких торговых путей, и обосновавшаяся в нем община просто процветала, почти ничего не производя, за исключением грибов и мяса для собственных нужд. Потому как за воз-

можность переждать непогоду и отдохнуть в полной безопасности и комфорте подземной крепости караванщики неплохо платили — товарами, оружием, патронами и продовольствием. Кроме того, торговля в поселке тоже шла полным ходом. Как результат, все необходимое для жизни попадало в подземный городок извне само, без необходимости искать и добывать. В итоге община поселка имела хорошо поставленную службу безопасности и надежные укрепления, но их бойцы ничего не представляли из себя по ту сторону бойниц и ни уха ни рыла не смыслили в рукопашном бое. Впрочем, способность проводить операции вне своих владений легко компенсировалась средствами, на которые нанимались профессиональные солдаты удачи.

А вот ближайшие руины когда-то стотысячного города давно стали прибежищем нескольких бандитских групп, промышлявших грабежами караванов. Однако жители Завода, как они сами называли свое поселение, провести зачистку руин своими силами были не в состоянии. По правде говоря, там требовались хотя бы роты три профессиональных бойцов, а не отдельные малочисленные группы вроде бригад Сатаны или Вепря.

— Сатана вызывает Лидела, — раздалось в наушниках Макса, — визу хутол у холма. Явно населен.

— Это они, паскуды, — прохрипел командир заводских бойцов и руководитель операции. — Начинаем окружать.

— Хе-хе, во смешно говорит китаеза, — сказал кто-то незнакомый Максусу.

— Не засорять эфир, Три Несчастья на твою голову! — рявкнул лидер.

Макс повернулся к товарищам:

— Кажется, мы у цели.

Все четверо опустили на глаза приборы ночного видения и шелкнули тумблерами закрепленных на поясе под пуховиками аккумуляторов.

Наступающая ночь разом посветлела и приобрела зеленоватый оттенок. Теперь можно было разглядеть не только группы Вепря и заводских, но и идущих в авангарде сатанистов, как в шутку окрестили группу Сатаны.

Сорок пять человек обогнули холм с двух сторон и начали сужать полукольцо вокруг трех бревенчатых одноэтажных домов.

Одно строение выглядело обветшалым, возможно, в нем хранились припасы. В двух других тускло светились окна.

— Внимание, пловелка на мины, — сообщил по рации Сатана.

Минут пять люди неподвижно лежали в снегу, пока сатанисты нашупывали безопасный маршрут миноискателем. Затем пришло сообщение, что мин не обнаружено.

Кольцо сужалось, и в этот момент с вершины холма, находившейся метрах в двухстах и на двадцать метров выше крыш домов, ударил пулемет.

В наушниках мгновенно начался полный бедлам. Оснащенные рациями, но непривычные к обстрелу и дисциплине заводские жители вопили и матерились, кто-то уже булькал кровью.

По холму открыли ураганный огонь из автоматов и подствольных гранатометов, но без особого эффекта: гранаты либо перелетали плохо различимое в сумерках пулеметное гнездо, либо взрывались ниже по склону. В ответ с холма тоже застрочили автоматы — скупое и расчетливо.

— Вепрь — Шрайку! Надо что-то сделать с долбаным пулеметом... — Голос Вепря перекрыл хаос в эфире. — Я потерял одного. Попытайся обойти слева по склону!

— Только смотли, в кого стлеяешься. — Лидер сатанистов сразу определился по своему акценту. — Мы поднимаемся плавец!

— Мы, я так понимаю, сами по себе, — хмыкнул позади Ворон. — Этот сброд уже в панике и потерял человек шесть.

— Вепрь и Сатана с нами. А местные — да, никуда не годятся. Обходим слева по склону. Вперед, ползком!

— Ага, есть, — ответил Серый за троих, и четверка начала по-пластунски продвигаться к склону.

Ситуация не столь уж и безнадежна. Грабители, вероятно, обнаружили карательную экспедицию заранее и подготовили теплый прием, но приборов ночного видения у них нет. В противном случае пулеметчик уже угробил бы куда больше нападающих.

— Макс, — шепнул Стикс, — ты заметил, что из домов никто не стреляет? На крышах было бы удобно залечь и обороняться.

— Да, там наверняка женщины и, возможно, дети. Давай сюда, за валун!

В этот момент кто-то, либо из заводских, либо из группы Вепря, очень метко уложил гранату в пулеметное гнездо или совсем близко от него, потому что кинжальный огонь прекратился. Почти одновременно с этим еще один взрыв взметнул ввысь снег и ошметки человеческого тела прямо посреди порядков бойцов Завода, и голос их лидера, пытавшегося отдавать приказы, затих на полуслове.

Макс рванулся вверх, перебегая от одного валуна к другому. Силуэт в меховой куртке и матерчатом шлеме-маске с прорезьями для глаз вырисовался прямо перед ним, и наемник рефлекторно надавил на спуск. Его «Абакан» с хлопком выплюнул две пули, и бандит молча завалился на спину. Почти одновременно такие же хлопки послышались чуть сзади, и второе тело упало в снег рядом с первым — Стикс оказался на высоте, как обычно.

Никто не заметил фланговую атаку четверых наемников, и Макс подумал, что глушители, обошедшиеся ему в свое время довольно дорого, неплохо себя окупают. Их автоматы издавали шума меньше, чем мелкокалиберное оружие, и эти хлопки просто терялись в гулком стуке десятков «калашей» и раскатистом лае пулемета.

Он бросил короткий взгляд направо вниз. Отсюда атакующие видны как на ладони. В этот момент пулемет заработал снова, сея внизу панику и смерть. Вепрь попытался взять командование на себя, но ему подчинились только его же бойцы. Беспорядочно палящие и отползающие назад заводчане, потеряв половину состава, превратились в превосходные мишени для пулеметчика, который бил короткими очередями, ориентируясь по вспышкам.

Еще несколько минут, и не станет ни бойцов нанимателя, ни группы Вепря. Черт!

Переползая от камня к камню, от валуна к валуну, четверка наемников поднималась все выше, бесшумно уничтожая ничего не подозревавших врагов короткими очередями. Грохот пулемета не давал никакого шанса услышать хлопки автоматов с глушителями.

Чуть выше и правее по склону Макс заметил затылок автоматчика, самозабвенно поливающего свинцом людей внизу. Палец в тонкой перчатке передвинул флажок переводчика огня на одиночные — ни к чему тратить два патрона там, где с головой хватит и одного. Тихий хлопок, слившийся со звуком

пули, пробивающей череп, — и автоматчик вывалился из поля зрения, оставив на камне, за которым прятался, часть своих мозгов.

Со своего места Макс видел валун, часть укрепления из мешков с песком, выглядывающих с одной стороны камня, и изрыгающий пламя и свинец ствол пулемета «Печенег» — с другой. Чуть поодаль лежало растерзанное взрывом тело первого пулеметчика. И сам стрелок, и пулемет находились за камнем, до которого всего метров десять открытого пространства. Есть ли в гнезде еще кто-то, кроме стрелка, угадать невозможно. Наемник дал команду жестом, поднялся с живота и, согнувшись в три погибели, рванул вперед, молясь, чтобы не поймать шальную пулю от своих же.

Он обогнул валун и оказался в трех метрах от пулеметчика, сбоку и чуть сзади. Стрелок не видел и не слышал подкрадывающуюся сзади смерть. Уже изготовившись дать короткую очередь от бедра, Макс внезапно понял, что перед ним либо подросток, либо женщина. Он изменил свое намерение и стремительно бросился вперед.

Пулеметчик каким-то шестым чувством учуял Макса, обернулся и попытался достать висящий на боку автомат, но не успел. Наемник нанес прямой удар прикладом в живот, сбил противника плечом и навалился сверху, отпустив свой автомат и схватив стрелка за правую руку и за горло. Тот попытался левой рукой выдавить Максу глаз, но в итоге оказался схвачен за обе руки и прижат к земле еще сильнее. Попытка освободить руки от захвата, поворачивая их в стороны больших пальцев наемника, не удалась — силы оказались слишком уж неравны, и Макс окончательно убедился — женщина.

— Не дергайся, — прохрипел он, — если жить хочешь.

Через ПНВ он видел щель в меховой маске и широко открытые глаза под нею. «Жаль, прибор ночного видения монохромный, цвет не разобрать», — мелькнула дурацкая мысль.

— Что у тебя? — негромко спросил сзади Стикс.

Вся группа уже находилась позади своего лидера.

— Выведем на свет — посмотрим, — ухмыльнулся Макс и произнес в рацию: — Сатана, как слышишь? Мы на вершине, пулемет под контролем!

— Я визу, — спокойно сказал тот, появившись из-за валуна с другой стороны, — и, похоже, ты контлолилуесь не только пулемет. С нашей стороны плотивника больше нет.

За спиной невысокого человечка маячили его бойцы.

— Скажи своим, чтобы не стреляли по домам, — внезапно выпалила пленница, — там нет вооруженных людей, только женщины и дети! Ну же, скажи им!!

— Вепрь, как слышно? Соппротивление подавлено.

— Я уже заметил, — хрипло отозвался тот, — по нам больше не стреляют.

— Вепрь, в домах женщины и дети, противника там нет. Как понял?

Тот на миг задумался:

— Понял. Откуда информация?

— От пленника.

— Понятно. Спускайтесь, осматривать тогда вместе будем. А то заводские могут начать пальбу, не разбираясь, просто от злости — у них куча убитых.

Макс передал пленницу Ворону и Серому и кивнул Сатане, отзывая его в сторонку.

— Не в службу, а в дружбу, не говори никому, что это она стреляла. Ее просто грохнут.

— Это твое дело, — флегматично пожал плечами китаец, — и твой тлофей.

— С меня причитается, — ухмыльнулся наемник коллеге.

Минутой позже он уже спускался вниз по левому склону. Позади Серый вел пленницу, за ним шли Стикс и Ворон. Сатана со своими людьми остался у пулемета, собирая оружие, патроны и обыскивая трупы. После короткого разговора по рации с Вепрем тот отправил уцелевших заводчан помогать раненым, и потому, когда наемники ворвались в дома, Макс незаметно для местных ввел следом и свою добычу.

В прихожей он стащил с нее меховую шапку-маску и убедился, что действительность превзошла его самые смелые ожидания. Молодая, лет двадцати пяти, женщина с каштановыми волосами, карими глазами, гладкой кожей и приятными чертами лица. Стикс за спиной лидера восхищенно присвистнул.

— Как тебя зовут?

Та гневно сверкнула глазами, но сдержалась, понимая, что ситуация сложилась не слишком благоприятно.

— Кира, — мрачно представилась она.

— Красивое имя. А я Макс. Значит, слушай внимательно, Кира. Когда началась стрельба, ты выскочила из дома, спря-

талась на пригорке, и там я тебя нашел. Это твоя версия. Ты порешила человек восемь, если не больше, и если местные об этом узнают — тебе каюк. Поняла?

— Ты наемник? — догадалась девушка.

— Именно.

В подвале одного из домов сидели шесть женщин и трое детей. Женщины, как выяснилось потом, были похищены бандой значительно ранее — самая первая два года назад. Все более чем симпатичные, в чем, в общем-то, ничего удивительного — кто станет похищать некрасивую женщину?

Они были крайне напуганы и в слезах, хоть и совершенно напрасно. Скорее всего, станут новыми жительницами селения в недрах танкового завода, и за день завтрашний им нечего будет беспокоиться. В любом обществе молодым женщинам всегда рады — как все общество в целом, так и их будущие мужья. В условиях нехватки представительниц прекрасного пола и жесткой конкуренции среди мужчин даже приданое в виде необходимости растить чужого ребенка — весьма умеренная цена за красивую жену.

Макс подтолкнул Киру в угол, где сбились в кучу плачущие женщины и дети. Ему было немного жаль их — возможно, некоторые из них любили своих похитителей, а детишки попросту остались без отцов, хоть и не понимали этого. Увы и ах, но мир вечной стужи — жестокий мир.

Четырехлетняя девочка с криком: «Мама!» — бросилась к Кире, и та, расстегнув полушубок, села на скамейку, посадила дочь на колени и прижала к груди.

Макс чуть ухмыльнулся. Сильные женщины, способные держать в руках оружие, были его слабостью. Эта бестия как раз из таких — красивая и чертовски опасная в любой иной ситуации. Но даже сильная женщина с ребенком становится уязвимой. По сути, Кира целиком и полностью находится теперь в его власти, хоть, возможно, еще не осознает этого факта.

Макс повернулся к Вепрю, плотному крепышу средних лет.

— Степан, что дальше делать будем? — Необходимость в позывных при личном разговоре отпадала, потому он обратился к собеседнику по имени.

— Черт его знает. Главный из заводских убит, его помощ-

ник тоже — одной гранатой накрыло. Что именно мы должны вернуть, остальные не знают. Вот так.

— Какие у них потери?

— Одиннадцать человек осталось всего. Возвращаться сейчас, как ты понял, не резон, да и не получится без транспорта. Женщины и дети ночью полтора десятка километров не одолеют.

Вепрь понизил голос:

— Меня вот что беспокоит. Люди из поселка — разговор один, они перед старостой своим в ответе...

— Иван Николаевич — председатель, — уточнил Макс, — таков его титул.

— Да хрен редьки не слаще. За твоих я тоже не знаю, а мои бугаи уже давненько, это, с женским полом не общались. Опасаюсь, как бы чего не вышло.

— Пленные поступают в распоряжение нанимателя, — напомнил наемник пункт договора, — контракт есть контракт. За них еще и премиальные.

Вепрь кивнул:

— Да я помню. Просто говорю — как бы чего не вышло.

— Не бери в голову. Если что — ствол в лоб и мозги на стенку. Шучу, ясен пень. Ты одного сегодня потерял? — перевел разговор на другую тему Макс.

— Угу. Баран был да жлоб в придачу, чего греха таить. Даже и не жалко особо.

В этот момент вошел Петр Ушинский — самый старший из тех заводчан, что остались в живых. Он был мрачнее ночи, и трое идущих за ним товарищей выглядели примерно так же. Шутка ли — потерять девятнадцать человек меньше чем за пять минут. Конечно, спросу с Петра никакого — не он же командир. Зато сейчас у него появилась возможность выдвинуться.

— Я только что говорил с Сатаной. У него нет потерь. Шрайк, у тебя что?

— Нет потерь, — отозвался наемник.

— Здорово вышло, — желчно изрек Ушинский, — у вас на полтора десятка всего один убитый. На хрена было вообще вас подряжать на это дело, все равно убитых куча!

— Мы нанимаемся для того, чтобы делать дело, которое не могут осилить дилетанты, а не для того, чтобы умирать вместо них, — парировал Вепрь, Макс же только фыркнул.

— Если б нас не подрядили, вы все бы уже умерли, — заметил он.

Ушинского не любил никто. Хитрый интриган, постоянно норовящий присвоить чужие заслуги, он уживался в довольно-таки дружном коллективе Завода только благодаря тому, что умел чинить оружие. И тот факт, что он оказался среди тех, кого Иван Николаевич послал в рейд, был весьма красноречив. Кажется, председателю Ушинский уже крепко поднадоел.

Тем временем он скользнул взглядом по группе женщин и остановился на Кире.

— Кажется, нам предстоит не такая уж и скучная ночь в награду за наши труды, — процедил он, обращаясь к своим дружкам.

Кира встрепелась, услышав это, и в ее глазах сверкнул недобрый огонек. Всхлипывания остальных женщин стали громче.

— Я не думаю, что ты заслуживаешь награду за то, что закопался в снег глубже, чем те, которые погибли, — холодно ответил Макс.

— Ты оборзел, Шрайк? — процедил Петр сквозь зубы.

— Я просто выполняю работу, за которую мне заплатили, — улыбнулся тот, — пленные поступают в распоряжение нанимателя.

— А я, по-твоему, кто? — высокомерно заявил Ушинский.

— Мой наниматель — Сибиряков Иван Николаевич, — отрезал наемник, — а ты просто недобитый дилетант. А теперь вали отсюда. Ты со своими людьми отправляешься назад, в поселок, чтобы передать Ивану Николаевичу, что грабители перебиты и мы ожидаем транспорт для женщин и трофейного добра.

— Отличная идея, — ухмыльнулся Вепрь, — так тому и быть.

— Да как ты смеешь мне приказывать, ты... — зашипел Ушинский.

— Да упаси Господь. Я просто сообщаю тебе, что группы Вепря, Сатаны и Шрайка остаются тут. В двух домиках места как раз на два десятка людей. Аккурат для нас и для женщин с детьми. А вы как себе пожелаете. Хотите — идите домой сейчас, хотите — ночуйте на улице и идите домой утром.

Оба наемника ухмыльнулись, и их подчиненные тоже на-

чали расплываться в саркастичных и презрительных ухмылках.

Когда заводчан выдворили из дома, одна из девушек рискнула заговорить.

— Скажите, — обратилась она к Вепрю, — а там все такие? Ну, наниматели ваши...

— Однозначно нет, — ответил за него Макс, — я вас уверяю, что глава поселка — вполне приличный человек, как и большинство других. Уродов вроде этого немного. Просто сюда, на бойню, послали нас, наемников, потому что нас не жалко, и всякую шушеру, по которой тоже никто не заплачет.

— Так, разговоры разговорами, а я хочу жрать, — заявил Стикс, — тут же должно быть что-то съестное. Мне надоели сухари!

После простого, но обильного ужина люди начали укладываться спать. Похлебка из сушеных грибов, картошки и хорошего свиного мяса, приготовленная во внушительной кастрюле девушкой по имени Татьяна, приятно отягощала желудок и располагала к крайне благодушному настрою. Кровавая бойня, разыгравшаяся здесь всего пару часов назад, постепенно отходила в прошлое. Женщины, если и горевали об убитых бандитах, то не показывали этого. Одних больше занимала забота о детях, другие с тревогой думали о том, что ждет их завтра.

Макс проследил, как Кира накормила дочку, уложила спать и готовилась лечь спать рядом. Когда девушка случайно взглянула в его сторону, поманил ее кивком и указал на скамью у камина, на которой сидел сам. Кира молча подчинилась.

— Тут вроде кто-то обронил, что первая из девушек была похищена два года назад? — негромко, чтобы никто не услышал, спросил наемник.

— Ну и?

— Твоей девочке года четыре.

— И что такого? — с плохо скрытым беспокойством пожал плечами Кира.

— Ты не была похищена, я полагаю.

Девушка несколько секунд молчала, потом очень тихо сказала:

— Да, я сама присоединилась к ним.

— Я так и думал, — кивнул Макс.

— Что ты думал?! — тихо, но со злостью сказала та. — Может, ты подумал, что мое поселение вымерло от какой-то заразы, включая отца Линды? Может, ты подумал, что мне совершенно некуда было деваться с двухлетним ребенком на руках посреди снежной пустыни?

— Не надо оправдываться, — спокойно ответил наемник, — я не собираюсь судить тебя. Я такой же убийца, как и ты. Убиваю других, чтобы выжить самому. Кстати, красивое имя дочурке подобрала. Спокойной ночи, Кира. У нас еще будет время для... общения.

Он поднялся со скамьи и двинулся в другую комнату, где уже спали на полу Стикс и Серый, приспособив в качестве постели снятые со стен ковры.

Грабители жили в роскоши, отметил про себя Макс, снимая последний ковер. Перед тем как лечь, он подпер дверь в комнату стулом так, чтоб ее нельзя было открыть бесшумно, и положил под подушку пистолет. Мало ли что. Людей Вепря и Сатаны он не опасался, зная их репутацию, а вот горлорезка Кира может выкинуть номер.

До рассвета оставалось около семи часов. Через четыре часа будет смена караула, в который, по договоренности между лидерами наемников, входило по одному человеку из каждой команды, и вместо Ворона на стражу станет Стикс. А он, Макс, будет спокойно и сладко спать. Все-таки быть лидером иногда очень даже здорово.

Однако сон не шел. Была одна проблема, которая мешала ему уснуть. Кира.

Всего два часа назад Макс впервые увидел ее лицо, и этого оказалось достаточно, чтобы где-то в глубине мозга что-то замкнуло накоротко. Стреляный ворон и изрядно понюхавший пороха и крови наемник, он слишком циничен и трезвомыслящ, чтобы обманывать себя красивым словосочетанием «любовь с первого взгляда», и на своем жизненном пути встречал женщин и покрасивее Киры. Но в этой бестии было что-то особенное, отчего она сразу же запала в душу Максy.

Он вовсе не собирался отдавать Киру кому-либо из заводской общины, но это было проще подумать, чем сделать. Фактор, делавший ее послушной игрушкой Макса, — палка о двух концах. Власть над девушкой имела силу только в пределах Завода. Ситуация получилась парадоксальной до нелепости — наемник собирался оставить Киру себе, но тогда терял над ней контроль и здорово рисковал бы своей собственной жизнью. Он не имел ни малейшего понятия, как поступит девушка, если они останутся вдвоем вне поселка. Если Макс не пришелся ей по душе — Кира убьет его рано или поздно. Эта чертовка навряд ли покорится неприятному для себя мужчине, а если будет вынуждена — отомстит за унижение при первом же удобном случае.

Вывод напрашивался только один. Устроить ее в поселке, но при этом оставить за собой права на нее, и это была еще одна вещь, которую придумать проще, чем осуществить, учитывая, что в самом поселении его, как и всех наемников, недолюбливали.

Макс перевернулся на бок. «Очнись, кретин, — сказал он себе, — у тебя в запасе осталось не более трех месяцев, а может, и всего два, а затем ты сам засунешь в рот дуло и вышибешь себе мозги. У тебя нет времени на девчонок, тебе нужны деньги, чтобы урвать еще немного этой долбаной жизни. Твой запас никчемной эрзац-сыворотки закончился сегодня утром, и теперь надо подумать, где взять еще несколько доз, чтобы дожить эти никчемные два-три месяца. А итог-то все равно будет один».

Наемник тяжело вздохнул. И вдруг ему показалось, что с покинувшим его легкие отработанным воздухом ушли напряжение, страх, вязкое и тягучее ожидание смерти. А вместо всего этого, ставшего частью бесконечного кошмара, которым была его жизнь раньше, пришел ясный и понятный план действий. Макс твердо решил, что заполучит Киру, невзирая ни на что. Как он это сделает, на что ради этого придется пойти и какую цену заплатить, внезапно стало совершенно неважным. Для того, кому осталось жить считанные месяцы, ни одна цена не может быть слишком высокой. «После нас — хоть потоп», — сказал, кажется, какой-то король давным-давно. И Макс Шрайк решил поступить точно так же. По-королевски.

Глава 2

ПОЕДИНОК

Утро выдалось теплым: минус десять, а то и меньше, так что можно обойтись без меховых масок. Макс, стоя у того дома, который использовался как склад, наблюдал, как несколько парней с Завода выволакивали наружу ящики и тюки и грузили в сани.

Десяток саней, которые бодро тащили однорогие быки, прибыли ни свет ни заря вместе с охраной и врачом. Для последнего работы, впрочем, не нашлось: оба раненых заводчанина скончались еще накануне, через несколько минут после боя, присоединившись к семнадцати товарищам, которым повезло больше — они были убиты наповал. Так что почтенный доктор только осмотрел женщин и детей и убедился, что все они здоровы и могут быть впущены в поселок.

Наемник заметил у склада знакомое лицо и подошел поздороваться. Это был Витька Крейцман — интендант и счетовод, парень хитроватый, но честный, без комплексов и стереотипов касательно таких, как Макс.

— Здорово, Шрайк, — махнул рукой Крейцман в ответ на приветствие Макса, — как тут вышло все? Ушинский поднял шум вчера, мол, вы отсиживались в укрытиях, пока они грудью шли на пулемет.

— И почему я не удивлен? Вся ваша братия, включая Ушинского, толком ничего не сделала, не считая того, что побывала немного в качестве мишеней. Пока Вепрь прикрывал огнем, я со своими ребятами и сатанистами штурмовал гору. И пулемет обезвредил как раз я.

— Да я что-то такое и подумал, — фыркнул Витька. — Я, по правде сказать, огорчился, когда снова увидел этого сукина сына. Вот кому бы стоило сдохнуть первым, так это Ушинскому.

— Есть что-то интересное? — поинтересовался Макс, заглянув в список захваченного имущества, который как раз составлял интендант.

— Ерунда всякая. В основном продовольствие и одежда. Патронов мало совсем.

— Наша десятая часть добычи, — напомнил наемник, — и мы, я думаю, возьмем патронами.

В целом операция обернулась для группы Шрайка очень неплохо — всего ими было произведено сорок три выстрела, в то время как трофейные боеприпасы, честно поделенные Сатаной на всех участников боя, кроме заводчан, перекрыли расход более чем впятеро. Плюс задаток, плюс доля в трофеях, плюс гонорар. Набежала очень приличная сумма — в пору начинать маленькую войну или просто хорошо покутить.

— Шрайк, знаешь последнюю новость? Пустынник снова объявился в Университете. Говорят, пришел с юго-востока, со стороны Москвы, притащил несколько странных склянок и документы, срубил неплохой барыш и двинул обратно. Если верить сплетням, он ходил аж за Москву километров на двести.

— Вранье, — махнул рукой Макс, — это семьсот километров, в одиночку так далеко не забраться. Схарчат же либо алчущие, либо и кто похуже.

— Если вранье — в чем источник его богатства? — задал риторический вопрос интендант.

— А он богат? — удивился наемник.

— Очень. Говорят, он пользуется винтовкой «Винторез» и патронов не считает. И оружия под более дешевые боеприпасы не носит.

Макс недоверчиво хмыкнул. В то, что кто-то может использовать такое оружие, как «Винторез», в повседневной жизни, он верил еще меньше. Всего пара обойм к этой винтовке стоила столько же, сколько весь его заработок за этот рейд. И если пресловутый Пустынник действительно имеет в досталь боеприпасов этого редчайшего калибра, то это значит, что за ним стоит очень серьезная сила. Возможно, Университет. Или даже Метрополия.

— Интересно, если он и правда делает рейды в сторону Москвы, — сказал вслух наемник, — с какой стороны он обходит место Первого Несчастья? С севера или с юга?

Витька ухмыльнулся от уха до уха, уже наперед предвкусывая эффект от своих слов, и сказал:

— Не угадал. Он его не обходит. Всегда идет напрямик.

Макс громогласно расхохотался и хлопнул приятеля по плечу:

— Ха, я тебя раскусил! Ври, да не завирайся! Я уже начинал верить, что он в одиночку ходит в Москву с «Винторезом», но чтобы еще и напрямик?! Извиняй, старина, не поверю.

— Ну и не надо, — обиделся тот и вновь вернулся к составлению списка.

Наемник двинулся к саням, куда уже начинали грузить свой нехитрый скарб женщины, но, чуть отойдя, обернулся:

— Слушай, Витек, а откуда новость-то? Буквально вчера я в кабаке у вас сидел и ничего подобного не слышал.

— Так это, караван пришел аккурат через три часа, как вы отправились. Из Университета.

В этот момент из дверей склада появился командир ново-прибывшей группы. Он широко улыбался, неся в руках прозрачный пакет с какими-то бумагами внутри. Когда он проходил мимо Макса, наемник окликнул его:

— Приятель, это вот ради этих бумаг мы сюда и пришли?

— Именно, — кивнул тот, — все остальное, скажем так, всего лишь окупило затраты по вашему найму и помощи семьям погибших.

Занятно. Значит, Витька все-таки не врет насчет того, что можно пойти в глубокий рейд в весьма гиблое место, и все ради нескольких склянок неизвестно с чем и старыми бумагами.

То, что Университет часто нанимал опытных профессионалов для походов, цель которых — достать книги и документы, Макс знал и раньше. Знал он, что и оплата таким работникам — выше всяких похвал. А сколько стоит документ, принесенный из разрушенной Москвы, можно только догадываться. Стоимость экспедиции, состоящей из нескольких десятков человек, скорей всего по карману только Университету и далекой Метрополии. И, подумать только, весь этот немислимый барыш достался одному человеку, если только Пустынник не продешевил.

Наемник закрыл глаза. Пятьсот километров напрямик из Университета в Москву. Тридцать километров в день, с учетом непредвиденных обстоятельств, снежных буранов, экстремальных морозов, поиска убежища для ночевки. Дней семнадцать получается. Если поднажать, можно уложиться в две недели. Если повезет с погодой и препятствий не будет, то еще меньше, дней двенадцать. Столько же назад. Итого четыре недели. Еще дней пять или шесть, чтобы добраться с попутным караваном до Университета, найти кого нужно и договориться насчет похода и оплаты. Получается чуть больше месяца. Еще куча времени уйдет в самой Москве — Макс не

настолько наивен, чтобы рассчитывать найти нужный хабар сразу. Может, он вообще ничего не найдет, но об этом лучше не думать. Итак, только на дорогу надо тридцать три — тридцать пять дней. А на все остальное, включая Киру, пребывание в Москве и поиски сыворотки на ближайшие два месяца, в его запасе еще дней десять—двадцать.

Что ж. Ему нужно всего-навсего три чуда. Добраться до Москвы живым, найти то, что потребует заказчик, вернуться обратно. И если эти три чуда произойдут... Тогда он, Макс по прозвищу Шрайк, будет жить. Не два-три месяца, а восемь-девять или, может быть, даже год. Потому что у него найдется, на что купить хорошую, качественную сыворотку, настоящее лекарство, а не тот медленный яд, который струится сейчас в его венах. Хотя даже с хорошей сывороткой итог будет тот же — дуло в рот и палец на крючок.

Наемник глубоко вздохнул. До чего же убог по сути своей человек. Когда ему остается два месяца, он начинает цепляться за самый ничтожный шанс, чтобы пожить чуточку больше, зная при этом, что все равно оттягивает неизбежное крайне незначительно. Хотя... если вдуматься, это, может быть, на самом деле достоинство, а не изъян. Только вот такая бескомпромиссная, неудержимая воля к жизни позволила человеку выживать как виду спустя целых восемьдесят восемь лет после Судного Дня, а некоторым отдельным особям хомо сапиенс — так еще и, хватив лишку дрянного пойла, мечтать о том дне, когда он, Человек Разумный, вернет себе свой мир.

Макс невесело усмехнулся. Самая большая шутка человечества — это то, как оно себя назвало. Человек Разумный. Если вспомнить историю о том, как люди после первых двух Несчастий — Метеорита и Эпидемии — сами создали себе Третье — ядерную катастрофу, становится понятно, что второе слово в научном названии человека — лишнее.

Он поднял голову и посмотрел на тусклое светлое пятно скрытого свинцовыми тучами солнца. Макс видел небесное светило всего один раз в жизни, в далеком детстве — и запомнил это навсегда. Ослепительно яркий свет, воплощение самой жизни и всего того прекрасного, что в этой жизни случается, заливал все вокруг: снег, жалкие домишки поселка, лица людей... Отец Макса плакал, глядя на солнце, и лучи света превращали его слезы в жемчужины. Тогда маленький Максим думал, что папе, как и ему, больно смотреть на яркое

пятно в небе. Много лет спустя он понял, что вовсе не потому плакал его отец. Это была тоска по загубленному миру и утраченному праву видеть солнце не один раз в жизни, а каждый день.

А мир вокруг сиял и сверкал, словно рай. Снег, укрепленная стена, игрушечный солдатик в руках мальчика — все это светилось сильным внутренним светом, точнее, так тогда казалось Максимке. Его глаза, привычные к миру сумрачных дней и непроглядных ночей, слезились, не вынося яркого света, но он зажмурился на миг, отирал слезы и вновь смотрел вокруг, понимая, что второго такого чуда, может быть, больше никогда не увидит.

Наемник тряхнул головой, отгоняя тоску. Человек некогда жил в прекрасном, светлом мире, но после первых двух Несчастий совершил ошибку, в отчаянии прикоснувшись к запретной кнопке, само существование которой тоже было ошибкой. Никто так никогда и не узнал, почему люди, жившие далеко за океаном, уничтожили сами себя своими же ядерными ракетами, превратив целый континент в черную, выжженную землю и ввергнув остальной мир во власть бесконечных ядерных сумерек и вечных свинцовых туч. Безумец, нажавший кнопку, стал величайшим злодеем за всю историю человечества: ему удалось, ни много ни мало, отнять у людей само солнце.

Следующие два часа Макс провел в глубокой задумчивости, сидя на поленнице позади дома. Ему требовалось побыть в одиночестве и поразмыслить, дабы принять одно из тяжелейших решений. Собственно, вариантов всего два. Пойти в Москву, дабы попытаться прожить чуть подольше, чем два месяца, и, скорей всего, сгинуть, даже не добравшись до цели. Или же просто пожить оставшиеся два месяца в свое удовольствие. Сама судьба подталкивала его ко второму решению, буквально послав в его полное распоряжение женщину, почти идеальную, с точки зрения Макса, и неплохой заработок, на который можно будет пожить два месяца, ни в чем себе не отказывая.

Было, впрочем, два неприятных момента, могущих в значительной мере отравить последние дни Макса. Первый касался Киры: если удастся покорить девушку, не прибегнув к банальному шантажу, последние дни будут для него слаще меда. Если же нет — придется воспользоваться своей властью

в открытую, и презрение Киры будет очень большой ложкой дегтя. Макс, правда, не знал, что такое деготь, упоминающийся в известной поговорке, но подозревал, что мед, смешанный с ним, скорей всего, не очень вкусный. И потому уповал на свое обаяние, которое неоднократно помогало ему получать более выгодные контракты и выпутываться из неприятных историй.

Второй неприятный момент — понимание того, что чем слаще будут последние два месяца жизни, тем трудней нажать на курок, когда время истечет.

Все еще находясь в раздумьях, Макс вернулся во двор и заметил, как Кира вошла в дом, чтобы забрать девочку. Оглянувшись вокруг, убедился, что в его сторону никто не смотрит, и вошел следом.

Кира резко оглянулась, услышав, как кто-то входит следом, и, увидев его, отступила назад, упершись спиной в бревенчатую стену прихожей.

Макс шагнул к ней и заметил, как кулаки девушки сжались, а на скулах заходили желваки. Желание двинуть в пах коленом, отобрать автомат и прикончить явно написано на ее лице. Глаза смотрят исподлобья — с острой неприязнью, усугубленной пониманием полного бессилия. Линда, спавшая в соседней комнате, делала свою мать заложницей ситуации, игрушкой в руках Шрайка.

Макс почувствовал досаду. Откуда столько ненависти во взгляде? Выше среднего роста, крепкий, голубоглазый, не урод — он ведь нравился другим женщинам.

— Кира, вопрос навскидку. Вчера погиб кто-то, к кому ты хорошо относилась?

— Нет, — глухо отозвалась та.

— В таком случае мне показалось, что у тебя нет причин так на меня смотреть. Разве я сделал тебе что-то плохое? За удар прикладом я конечно же извиняюсь, но по-другому было никак. Сама понимаешь.

Кира презрительно скривилась:

— Пока не сделал. Но собираешься, не так ли? И не надо говорить о том, что спас меня — ты для себя это сделал, так что я тебе ничем не обязана! Ты держишь меня за горло, пусть и в переносном смысле, и собираешься воспользоваться этим. Кто ты, если не обыкновенный насильник?

— Ладно, разговор зашел в тупик. Вообще-то я тут немно-

го не за тем. Скажи мне, что было в той папке, ради которой была затеяна вся эта кутерьма?

Взгляд Киры как-то сразу потерял колючесть, презрение сменилось удивлением: она не ожидала такого поворота.

— Какая папка?

— Прозрачный пакет с бумагами, похищенный во время вашего последнего налета. Он был вскрыт, когда я увидел его сегодня, — значит, кто-то из вас смотрел, что внутри. Скажи мне что!

— Это... это все из-за нее? — Ее глаза раскрылись шире.

— Угу, — кивнул Шрайк, — все остальное не стоило даже нашего гонорара.

— О боже, — сокрушенно покачала головой девушка, — знать бы раньше, никто бы и не тронул эту дрянь. Ничего этого не случилось бы...

Макс взял Киру за плечи и повернул к себе, заглянув в ее глаза, и повторил, чеканя каждое слово:

— Отвечай. Что. Там. Внутри.

— Бумага. Листов тридцать ветхой бумаги с бессмысленными словами.

— На неизвестном языке? — уточнил Шрайк.

— Нет. Это вообще не язык. Буквы латинского алфавита и цифры, но слова — не английские, не латынь.

— Шифровка, значит. Понятно. Постой-ка, ты знаешь латынь?

— Немного. Отец был врачом из Университета.

Макс на миг задумался. Старая шифровка, ради которой умерло почти тридцать человек — заводчан и грабителей — за пять минут. Сколько же она стоит?

Он повернулся и вышел из дома. Закрывая дверь, Макс обронил:

— Кстати, когда я решил брать тебя живьем, я еще не знал, что ты женщина. Думал, что подросток. Бери давай дочку и на сани.

Кира ничего не ответила.

Снаружи Макс сразу наткнулся на свою группу.

— Хреновая новость, — ухмыльнулся Стикс, — трофеи, женщины, дети и покойники поедут на санях, а нам придется топтать. Места нет больше.

— Ну и ладно, — пожал плечами Шрайк. — Первый раз, что ль?

Вскоре мини-караван покинул разоренное разбойничье гнездо. Тела бандитов остались там, где их настигла смерть и где они пролежат еще немало лет в вечной мерзлоте. Дома же, может быть, еще когда-нибудь послужат кому-то укрытием от стужи.

Несколько часов спустя впереди показался мост. Когда-то по нему ездили автомобили через реку, ныне замерзшую, а теперь изредка проходил торговый караван. Сооружение не в очень хорошем состоянии, но берега реки в этих местах крутые — либо езжай через мост, либо делай крюк километров в десять лишних.

Макс шагал рядом с самыми первыми санями, на которых везли девушек. Грузовой транспорт плохо приспособлен для перевозки людей, потому дно саней накрыли несколькими коврами и посадили пассажирок с детьми на них, заботливо укутав одеялами, взятыми из домов. В целом такой импровизированный транспорт оказался хоть и не очень удобным, но зато теплым, с учетом хорошей погоды. Сам Шрайк и его команда топали чуть позади, перешучиваясь иногда с погонщиком, который вел под уздцы мохнатого быка-единорога. Еще чуть позади топали трое заводчан — не тех вчерашних горемык. Командир приставил к самому ценному грузу, помимо людей Шрайка, троих своих лучших бойцов. Троица вполголоса судачила о том, кому из молодежи повезет касательно женитьбы, и полушутя горевала о том, что у них жены уже есть, а двоеженство запрещено.

Макс иногда старался встретиться взглядом с Кирой, но та старательно отводила глаза, баюкая на руках Линду.

Все обернулось куда хуже, чем ожидалось. Девушка даже не думала скрывать антипатию к нему и ясно дала понять: она подчинится, не имея другого выхода, но ничего, кроме еще большего презрения, ожидать не стоит. В свете этого вариант с походом в пасть к самой смерти выглядел уже не таким диким и безумным.

Однако от своих первоначальных планов на Киру Макс не отказался. Как бы там ни было, он наемник, и риск, на который Шрайк пошел, спасая ее жизнь, вместо того чтобы просто грохнуть согласно контракту, должен быть оплачен. Кира — его трофей, и этим все сказано. Вместе с тем Макс на-

деялся на гораздо большее и теперь чувствовал себя обманутым. Что ж, он поживет еще несколько дней в поселке, подготовится в дальний путь, который станет, видимо, для него последним, и отправится навстречу судьбе. Шрайк верил, что девушка его если не простит, то хотя бы поймет. Впрочем, понять обреченного — задача чуток посложней суповой тарелки.

Он вдруг подумал, что теперь располагает куда большим количеством патронов, чем сможет унести в свой последний поход. Остаток этой универсальной валюты можно будет оставить Кире. Бывшая разбойница не будет слишком щепетильной в этом вопросе — хотя бы ради дочери.

Они достигли начала моста, и внезапно бык заартачился. Он не желал идти дальше, остановившись в десяти метрах перед мостом, фыркал и беспокойно шевелил ушами, принюхивался.

— Какого лешего? — насторожился Ворон,

— Не знаю, — отозвался погонщик, — учуял что-то. Держите ухо востро.

Кира и остальные женщины беспокойно зашептались, один из охранников дал отмашку, и люди вдоль всего каравана начали занимать оборонительные позиции у саней.

Макс бросил беглый взгляд на Киру, и в этот момент за спиной у него раздался истошный вопль:

— Алчущие!!

Воздух распорол автоматные очереди и испуганные крики людей.

Шрайк передернул затвор, досылая патрон, и обернулся. Три кошмарных существа, выскочив из-под снега в двадцати метрах сбоку от наезженной дороги, пригнувшись, неслись прямо на него и на сани, в которых сидели женщины.

Алчущие воплощали в себе все самое страшное, пугающее и отвратительное. Высокие, около центнера весящие пародии на приматов, которых Макс видел в книжках и старых фильмах, с гротескными красно-бурыми телами и конечностями, вооруженными серповидными когтями, с полными мелких острых зубов ртами от уха до уха — ни дать, ни взять выходцы из кошмара сумасшедшего. Стремительные и беспощадные хищники, обладающие сверхъестественной сопротивляемостью огнестрельному оружию, и Макс не раз приходилось слышать рассказы об особо крупных монстрах,

утаскивающих свою жертву прочь под огнем десятков стволов или даже крупнокалиберного пулемета. Конечно, в этом немало вымысла, но тот факт, что чем старше алчущий и чем больше пулевых отметин на шкуре, тем трудней его убить, неоспорим. Как сказал когда-то один опытный старый сталкер, если выпустить в тварь десять пуль и только половина срикошетит от багровой, покрытой роговыми наростами туши — это уже удача.

Дело приобретало, впрочем, неприятный для хищников поворот. Неизвестно зачем забравшиеся в такие холодные места, как это, они ослабели и потеряли былую стремительность. Длинные очереди многих автоматов сошлись на одном из них, и тварь, завизжав, кувыркнулась через голову. Двое других, сократив расстояние, разом прыгнули, совершив десятиметровый прыжок. Тот, что помельче, кинулся на кого-то возле вторых саней, а самый большой из трех в мгновение ока оказался возле Макса. Его люди бросились врассыпную вместе с охранниками, а сам Шрайк нырнул вперед, навстречу алчущему, и перекатился по снегу, таким образом разминувшись с ним: тварь приземлилась в том месте, где только что стоял наемник, но промахнулась.

Макс вскочил на ноги, вскидывая оружие, и внезапно понял, что транспорт с вопящими от ужаса женщинами оказался на линии огня. Алчущий же, игнорируя несколько направленных на него автоматов, поднялся на задние ноги и взобрался на сани, неторопливо выбирая себе жертву. Крово-красные глаза остановились на парализованной страхом Кире.

«Только не ее, — мелькнула мысль, больше похожая на мольбу, — другую выбери, но не ее!» Макс просто оцепенел от ужаса. Вот сейчас эта тварь растерзает Киру. Его Киру! Охрана, ублюдки, почему же вы не стреляете?!

В глубине сознания он отлично понимал почему. Огромный алчущий — ходячий рикошет. Стоит открыть огонь — погибнет не одна женщина, а куда больше. И единственным правильным, рациональным решением, которое приняли, не сговариваясь, и парни Макса, и опытные охранники-заводчане, было позволить хищнику схватить добычу и немного отбежать и только тогда открыть огонь на поражение. При этом существовал очень дохлый шанс, что жертву удастся отбить. И, что важнее, остальные не пострадают. Все правиль-

но, со статистической точки зрения на выживание человека как вида.

Но Макс Шрайк не разделял эту точку зрения, и статистика его волновала мало. Куда меньше, чем одна-единственная, вполне конкретная женщина.

Как-то раз, ожидая отправки на задание в одном поселке возле Университета, он поделился тушенкой со старым, изуродованным шрамами наемником, который получил тот же контракт вместе с Максом, но был на мели. И после обеда старик поделился взамен своим опытом.

— Запомни, сынок. Эти твари настолько сильны и быстры, что нам не дано тягаться с ними. Когда за тобой гонится алчущий, а ты без ствола — тебе не уйти. Он нагонит тебя играючи, и ты разделишь участь всех тех, кто пытался убежать от алчущего. Но шанс все-таки есть. У твари есть одна слабость. Она идеальная, безотказная машина смерти, против которой у человека шансов нет. Это и есть слабость алчущего. И твоя надежда.

— Как так? — не понял Макс.

— Все просто. Люди не могут бороться с этими тварями и потому бегут. Бегут, даже если знают, что все равно не уйти. Их хватают и рвут на части, а они кричат и все еще пытаются вырваться. И вот как раз потому подавляющее большинство алчущих просто не знает, что такое сопротивление. — Старый наемник затянулся самокруткой и сказал: — Если когда-нибудь за тобой будет гнаться алчущий, а у тебя нечем будет стрелять, ты сможешь спастись, но для этого тебе потребуется сделать три самые трудные в твоей жизни вещи. Первое — перестать бежать, остановиться. Второе — повернуться к нему лицом. И напасть первым. А дальше все будет намного проще. Запомни! Всего три действия: остановиться, обернуться, напасть первым.

— А толку? — недоверчиво фыркнул Макс. — Это все бесполезно против его скорости и реакции. Что тут можно сделать?

— Посмотри на меня, — ухмыльнулся старик и ткнул пальцем в свои шрамы, — когда меня настиг алчущий, у меня был только нож в одной руке и камень в другой. До бункера оставалось всего сто метров, но я не побежал. Не добежал бы все равно. Что было дальше, помню плохо. Но, как видишь, я тут — многие ли могут похвастаться тем, что отстояли свою

жизнь в рукопашной против алчущего? Так-то. А вообще, сынок, запомни. Если ты не в состоянии даже представить, что сможешь защищаться, — то твой противник тоже не в состоянии представить это. Ударь первым — он растеряется. И потому шансы сильно уравниваются, если ты одолеешь свой страх и будешь бороться до конца. Не думай о том, как спастись, — думай о том, как убить. И тогда алчущий спасует.

Этот разговор мгновенно возник в памяти Макса, когда он увидел, как чудовище тянет когтистую лапу к Кире. Он был слабоват, чтобы схватить и уволочь взрослую женщину: холода, к которым алчущие непривычны, сделали свое дело. А ребенка — запросто. И если годовалые малыши — скудный ужин для двуногого монстра, то четырехлетняя Линда — в самый раз. Девушка в ужасе вскрикнула, закрыла собой дочь и лягнула хищника ногой. В этот момент всегда хладнокровный и рассудительный наемник, сохранявший самообладание даже в особо тяжелых случаях, почувствовал, как его переполняет ярость.

— Сейчас я тебе покажу, твою мать! — Шрайк и не заметил, что выкрикнул свою мысль вслух.

Он рванулся вперед, к саням, не слушая предостерегающих воплей Ворона, и оказался позади алчущего в тот момент, когда тот вцепился когтями в полушубок Киры. Стрелять в упор — безумие, и Макс со всего размаху врезал прикладом по сгорбленной, корявой спине. Пластмассовый приклад сломался с хрустом. Тварь, зашипев, оставила в покое девушку и молниеносно развернулась. Второй удар дулом пришелся алчущему в морду, раскроив кожу и сбив с ног. Темно-красная кровь брызнула на Киру.

В этот миг сдали нервы у быка, и он, не разбирая дороги, понесся вперед, на мост. Женщины бросились врассыпную, падая с саней в снег, Кира снова лягнула алчущего каблуком в голову и скатилась следом, оберегая от удара захлебывающуюся плачем Линду.

Сейчас было бы правильнее всего спрыгнуть за ней, но Макс продолжал бить, вкладывая в каждый удар всю свою ненависть к этим живым кошмарам. Алчущий же, лежа на спине, в ответ толкнул человека в грудь ногой, и только толстая теплая одежда спасла наемника от страшных ран. Макс чудом удержался в санях, несущихся уже по мосту, и понял, что прыгать поздно — можно соскользнуть по льду вниз, на за-

мерзшую реку. Хищник же вскочил на ноги, с трудом удержав равновесие, и обрушил на него сокрушительный удар. Макс блокировал атаку автоматом и почувствовал, как неодолимая сила вырвала оружие из рук. В следующий миг алчущий навалился на него сверху и уже приготовился начать терзать когтями, но Шрайк, оттолкнувшись ногой, скатился с несущихся во весь опор саней на мост в обнимку с хищником.

Мир перевернулся, затем удар о насквозь проржавевшие поручни, треск ломающихся прутьев, рука в перчатке зацепилась за край моста, но не смогла выдержать дополнительный вес алчущего — тварь не желала падать на лед в одиночку. Мир начал вращаться еще сильнее, затем Макс почувствовал чудовищный удар и услышал противный хруст. Тело пронзила боль.

— Я прикончу тебя, ублюдок, все равно прикончу! — прохрипел он и потянулся к ножу.

Он рухнул с десятиметровой высоты моста на лед. Точнее, на лед рухнул алчущий, а Макс оказался сверху. Чьи кости хрустели — тот еще вопрос. Главное теперь — откатиться в сторону, избежав смертельных объятий, и подняться на ноги быстрее, чем враг. Иначе — конец.

Они поднялись одновременно, буравя друг друга глазами, в которых читалось обещание быстрой, но мучительной смерти. Пальцы Шрайка сомкнулись на рукоятке старого боевого товарища. Человек и монстр на мгновение замерли — два непримиримых, смертельных врага. Добыча и хищник. Жертва и убийца. А затем человек, используя свой единственный в этом неравном бою шанс, атаковал первым.

При падении алчущий пострадал сильнее, повредив задние ноги, и теперь был вынужден опираться на лед уродливо длинной рукой. Макс, хромая, бросился на него, в молниеносном пируэте ушел от встречного удара и всадил нож в бок монстра. Тот взвыл и ударил снова, но человек быстро уклонился, отделавшись только распоротой одеждой, и изо всех сил врезал ботинком в колено противника.

Последовал быстрый обмен выпадами и контратаками. Людоед потерял возможность использовать свою обычную манеру нападения — сбить жертву в прыжке, навалиться всей тушей и растерзать. И в этом Макс увидел возможность победы. Он двигался куда быстрее, чем ожидал монстр, а сам ал-

чуший, ослабленный холодами, оказался медленнее, чем обычно.

Хищник снова рванулся вперед, целясь в лицо когтями, но Шрайк проворно ушел в сторону, заставив его потерять равновесие и упасть, а затем размахнулся и ударил ногой в ненавистную, кошмарную морду. Затем еще раз. И еще.

На четвертом ударе алчущий сумел подцепить когтем штанину и опрокинуть Макса на лед, однако уже в следующий миг тот перекатился, уходя от свирепого удара сверху вниз. Серповидные когти вспороли лишь лед.

Хищник атаковал снова и снова, однако наемник оставался недосягаем, разрывая дистанцию или быстро уклоняясь. Уйдя от очередного взмаха когтистой лапы, Макс оказался сзади и сбоку от алчущего и со всего размаха всадил нож ему в спину, выдернул клинок, перехватил тянущуюся к нему лапу, развернул врага к себе и еще раз ударил, на это раз в брюхо, снизу вверх.

— Ну как тебе бой на равных, тварь?! Это тебе не беспомощную жертву терзать, а?!

Монстр рухнул на колени, вцепившись второй конечностью в куртку Макса. А Шрайк навалился на него всем весом, опрокидывая на спину. Изо всех сил сжимая смертоносную лапу левой рукой, правой он наносил удар за ударом с яростью берсерка, кромсая неподатливую шкуру, раскалывая кости и превращая внутренности твари в фарш.

В какой-то момент картина боя стала просто нереальной и фантазмагорической. Не человек извивался в смертельной хватке алчущего, а сам хищник оказался на месте своих предыдущих жертв. Его сопротивление стало беспорядочным, только рефлексy и инстинкты заставляли смертельно раненное существо дергаться в безуспешных попытках схватить своего мучителя.

Но вот нож, в который раз вонзившись в бурую безволосую шкуру, так и остался в туше. С ног до головы перепачканный кровью, Шрайк навалился на искромсанное тело алчущего и поймал угасающий взгляд его красных, с вертикальными зрачками, глаз.

— Долбаный бесхребетный слизняк, — прохрипел Макс, вложив в эти слова всю свою безграничную ненависть, — ты должен был сам вышибить себе мозги, пока еще мог сделать это!